

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЛЯ ЭТИМОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОЧЕТАНИЙ ОДНОКОРЕННЫХ СЛОВ В ПОЭЗИИ НА ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Для задач этимологического исследования могут быть полезными некоторые выводы из возобновившихся в последнее время работ по сравнительной индоевропейской и славянской поэтике. Одним из таких выводов является то, что слова, образованные от одного корня, в поэзии на древних индоевропейских языках часто соединяются в пределах одной строки или, во всяком случае, одной ритмико-сintаксической единицы. Использование таких этимологических фигур в качестве особого приема в славянской народной эпической поэзии было установлено еще в замечательной статье Миклошича¹ и далее изучалось в недавнее время всеми теми учеными, которые стремились реконструировать общеславянские или праславянские способы построения поэтических текстов².

Исследование этого приема облегчается тем, что в славянских народных поэтических и языковых традициях такие сочетания, как *русск. сказка сказывается, дело делается, пир пишется, думу думать, горе горевать, век вековать*, оказываются живучими вплоть до наших дней (например, в современной прозе в речи действующих лиц встречаются такие сочетания, как *шутку шуткую* у Залыгина). Поэтому они заново воскресают в стихах больших

¹ Ф. М и к л о ш и ч. Изобразительные средства славянского эпоса. М., 1895.

² Cp.: R. Jakobson. The kernel of comparative Slavic literature. — «Harvard Slavic Studies» I. Cambridge, Mass. 1953, стр. 10—13 (с большим числом примеров из различных славянских поэтов кончая Хлебниковым, Есениным и Тувимом); K. M o s z y n s k i. Kultura ludowa Słowian. Cz. II. Kultura duchowa, Zesz. 2. rodz. 18, Literatura ustna. Kraków, 1939. Особый интерес представляет пушкинское сочетание *воют воем* в строках, написанных тем же размером, что и пушкинские переведения сербо-хорватских песен (являющиеся в некотором смысле опытом воссоздания общеславянского стиха):

«Так и ходят сердитые волны,
Так и *воют воем* зловещим»

(«Стихи о Римской папе», из черновиков «Сказки о рыбаке и рыбке»; ср. у Пушкина этимологическую фигуру «Грозой грозится высота» в стихах другого жанра — «Когда владыка Ассирийский»). В том же отношении примечательно сочетание «се *дило дилат*» у Крижаница («Грамматично изказанје» VI).

поэтов. См., например, у Ахматовой: За такой Чингис послал посла («Надпись на портрете»). Особенno показательны строки Мандельштама из стихотворения «Нет, никогда ничей я не был современник»:

Ну что же, если нам не выковать другого,
Давайте с веком вековать³.

Здесь в стихах одного из крупных русских поэтов XX в. возрождено (при замене архаичного «внутреннего винительного» предложной конструкцией с творительным падежом) сочетание, которое можно восстановить и для праславянского. В праславянском ему было противопоставлено такого же рода сочетание (повидимому, с творительным падежом, как в цитированной строке Мандельштама): **um्यrēti suoјo sъmъrtyjo* 'умереть своей смертью'⁴, восстанавливаемое на основании сравнения с.-хорв. *umrēti svoјom smrти*, польск. *swoј smiercią umrzeć*, чеш. *umrēti swoј smrtí*, русск. *умереть своей смертью*, с одной стороны, лит. *jis mirē savo mirtimi* 'он умер своей смертью', др.-перс. *uāt̪r̪šiyuš amariyatā* 'своей смертью умер' (о Камбизе в Бехистунской надписи), с другой стороны⁵. Согласие балто-славянского с иранским позволяет счи-

³ При истолковании этого стихотворения (и, в частности, цитированных его строк) следует иметь в виду, что оно соотносится с другими стихами о веке и времени, написанными Мандельштамом либо одновременно с ним («1 января 1924 года», где ряд строк почти дословно совпадает с цитированным стихотворением), либо несколько раньше («Век», «Нашедший подкову», «Я не знаю, с каких пор», «Холодок щекочет темя»). В книге О. Мандельштама (Стихотворения. М.—Л., 1928) все эти стихи следуют друг за другом (№ 131—141 полного собрания стихотворений).

Использование в стихах Мандельштама того же времени («Сумерки свободы») этимологической фигуры *мужайтесь, мужи* изучено в связи с историей этой последней в русском поэтическом языке в недавней работе: N. Å. Nilsson. «Мужайтесь, мужи!» On the history of a poetism. — *Scandoslavica*, t. XII, 1966, стр. 11—12. Ср. также оживление внутренней формы слова *окно* в строках: И оком оловянным Уставилось окно в капель и темноту (Н. Клюев. Песнеслов, кн. 2. Пг., 1919, стр. 8).

⁴ Относительно типологических параллелей этому последнему сочетанию в новейшей литературе см.: В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста. — «V Международный съезд славистов. Славянское языкознание. Доклады советской делегации». М., 1963, стр. 146—147, где к приведенным цитатам из Рильке следует еще прибавить *jener eigne Tod* в «Requiem für Wolf Graf von Kalckreuth».

⁵ M. Niedermann. Lituaische Miszellen. — KZ LI, 1923, стр. 31 сл. (перепечатано в «Balto-Slavica» II, 1956, стр. 117 сл.); W. Schulze. Der Tod des Kambyses. — SBPAW, 1912, стр. 685 сл.; SBPAW, 1918, стр. 331 сл. (перепечатано в «Kleine Schriften». Göttingen, 1933); M. A. Дандамаев. Иран при Ахеменидах. М., 1963, стр. 160 сл.; В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К реконструкции праславянского текста, стр. 143—147; В. В. Иванов и В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965, стр. 223. — Специфичность древнеперсидского выражения подчеркивается тем, что в аккадской и эламской версиях Бехистунской надписи используются этимологические фигуры, являющиеся каль-

тать это выражение восходящим, во всяком случае, ко времени диалектных связей всех трех групп.

Параллельное употребление винительного падежа «внутреннего объекта» типа *viek* *vekovatъ* и сходной *figura etymologica* в творительном падеже типа **ițtvrēti sъtъrtjō* отмечается в таком балтийском языке, как латышский, ср. в латышских народных песнях, с одной стороны, *duomas duomājam* (параллельное русскому *думу думать*), *bēdā bēdu* (ср. 'горе горевать'), *kaunies kaupi* 'стыдиться стыдом', *zied ziedus* 'цвести цветом', *guļu gulēt* 'лежать влажку', *kāsējiet kāsus, sauci saukumīņus* 'зову зовом', *teciņus tecēju* 'бегу бегом (рысью)', с другой стороны, *saukumiem sauca, tecīniem tecēju*⁶ и т. д. В этимологических фигурах латышских народных песен отражаются как исторически реальные словообразовательные связи, так и народно-этимологические, например: *lagzdas ... lagzdigala* (народная этимология *lakstīgala* 'соловей')⁷.

В некоторых из приведенных латышских примеров можно видеть позднейшее славянское влияние, но самый тип является обще-балто-славянским. В других случаях при сопоставлении славянских и балтийских текстов, построенных сходным образом, обнаруживается наличие внутреннего винительного хотя бы в одной из традиций, видимо, в данном случае оказывающейся более архаичной, ср., например, русск. *мосты мостить* в текстах, имеющих в других отношениях полные аналоги в прочих славянских и балтийских языках⁸. Архаичность этимологических фигур, в этих языках встречающихся главным образом в народной поэзии, вслед за Миклошичем подчеркивал Потебня, ссылавшийся, в частности, на литовские конструкции⁹ типа *sapną*

как древнеперсидской: аккад. *mi-tu-tu ra-man-ni-šu mi-i-ti*, эламск. *hal-pi-pa* [...] -e-ma *hal-pi-ik* (см.: М. А. Данда м а е в. *Uvāmršiyuš amariyatā* Бехистунской надписи. — «Древний мир». М., 1962, стр. 371 сл.). Индоевропейская формула *умереть своей смертью*, ее исходное значение, отражение в древнеперсидском и хеттские данные, подтверждающие реконструкцию этой формулы, детально исследуются в новой статье: J. P u h v e l. *The death of Cambyses: a reappraisal*. — «Terminologia indica», II: Tartu, 1969.

⁶ J. Endzelīns. *Latviešu valodas gramatika*. Rīgā, 1951, § 428, стр. 577 и § 441, стр. 582.

⁷ L. Bērziņš. *Ievads latviešu tautas dzejā, daļa 1. Metrika un stilistika*. Rīgā, 1940, стр. 393.

⁸ В. Н. Топоров. Из области балто-славянских фольклорных связей. — «Lietuvių kalbotyros klausimai», VI. Vilnius, 1963, стр. 172; ср.: А. А. Потебня. Объяснения малорусских и сродных народных песен I. Варшава, 1883, стр. 127 сл.; В. В. Иванов и В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы, стр. 167—168 и 234 (реконструкция 287).

⁹ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, III. Харьков, 1899, стр. 423 сл. — Заслугой Потебни является четкое установление связи между винительным внутреннего объекта и соответствующей конструкцией с именительным падежом. Первое собрание литовских примеров употребления внутреннего винительного см.: A. Schleicher. *Handbuch der litauischen Sprache*, I. Prag, 1856, стр. 263. В некотором смысле с *figura etymologica* связаны и такие эмфатические конструкции с инфинитивом (т. е. более древ-

sapnuoti 'видеть сон', *miegą miegoti* (в народной песне) 'спать сном', *dainēlę dainuoti* 'спеть песенку', *giesmę giedoti* 'спеть песню' и т. п.

Конструкция σχῆμα ἑτιμολογικόν, при которой глагол связывается с существительным, образованным от того же корня, хорошо засвидетельствована в таких древних индоевропейских языках, как греческий, ср. известные примеры винительного падежа внутреннего объекта: (F)εῖπες ... (F)έπος 'слово ты сказал' (A 108), λόγους λέγως: 'слова ты говоришь' (Soph. Ant. 1045), ηδομαί ... ηδονάς 'я наслаждаюсь ... удовольствием' (Plat. Phileb. 21A), εὐεργετεῖν εὐεργεσίαν 'оказывать благодеяние' (Plat. Apol. 36c) и т. п., сохранение этого приема (хотя и не в качестве особенно продуктивного средства) в древнеиндийском¹⁰: *rddhim rdh-* 'процветать процветанием' (в брахманической прозе), *jitim ji-* 'одержать победу' (Vādhūla Sūtra VI, 100; ср. в λ 544 однотипное греческое выражение, образованное от другого корня), *vṛṣtim vṛṣ-* 'дождь дождем' (ср. *varṣam varṣati* в том же значении), *udānam udānay-, kārim kṛ-*, эпическое *tapas taptam, buddhe ... bodhim* 'пробужденный в пробуждении' в буддийском гибридном санскрите и т. п.

Общеиндоевропейский характер внутреннего винительного, предположенный уже в классическом сравнительном языковедении, в настоящее время может быть подтвержден данными вновь открытых древних индоевропейских языков. В таком языке, во многих отношениях архаичном, как хеттский, этимологические фигуры широко представлены в автобиографии Хаттусилиса III¹¹. Хотя этот литературный памятник относится к новохетт-

ней именной, позднее неличной, формой), встречающиеся в литовском, как *aš n̄i myslyt nemislyju tavù ip̄estì* 'я думать не думал тебя хватать' (пример из текста, опубликованного: A. L e s k i e p. Litauisches Lesebuch. Heidelberg, 1919, стр. 2). Курилович, специально исследующий внутренний винительный типа др.-инд. *tapas tapute*, отмечает, что основу этой общеиндоевропейской конструкции составляют «сintаксические структуры с отглагольными отвлечеными именами, производными по отношению к соединяющимся с ним глаголом»: J. K u g u ɬ o w i c z. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg, 1964, стр. 182.

¹⁰ L. R e n o u. Grammaire sanscrite II. Paris, 1930, стр. 289, § 218; ср. там же I, стр. 230, § 188, об использовании производных имен на -i в конструкциях этого типа.

¹¹ F. S o m m e r und A. F a l k e n s t e i n. Die hethitisch-akkadische Bilingue des Hattusili I (Labarna II). München, 1938, стр. 41; И. Ф р и д р и х. Краткая грамматика хеттского языка. М., 1952, стр. 129, § 214. В качестве более отдаленной аналогии подобным конструкциям можно указать на употребление однокоренных образований — существительного *qeši-* 'пастбище' и глагола *qebešk-* 'пастись' в смежных предложениях одного и того же хеттского ритуального текста (Вяч. Вс. И ван о в. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр. 183). В приводимой ниже хеттской этимологической фигуре *haneššar ḫanna-* 'судить суд' Кронассер видел кальку аккад. *dīnam dānu* (H. K g o n a s s e r. Etymologie der hethitischen Sprache. Wiesbaden, 1966, стр. 561). Однако, согласно Уот-

скому времени, его близость к разговорному языку в данном случае позволяет предположить возможное отражение традиции, близкой к фольклорной. Явное стилистическое обыгрывание этого повторно применяющегося приема видно в тех местах этого текста, где существительное в винительном падеже, участвующее в этимологической фигуре, благодаря инверсии выносится на первое место в предложении (перед группой энклитик), а глагол получает суффикс (-šk- итератива), начало которого фонетически сходно с суффиксом этого существительного (-eššar): *up-pí-eš-šar^{H1.A}-ma-mi up-pí-iš-ki-u-qa-an ti-i-e-ir up-pí-eš-šar^{H1.A}-ma-mi ku-i-e up-pí-iš-ki-ir na-at A.NA AB.BA H1.A-JA U A.NA AB.BA AB.BA H1.A-JA U. UL ku-e-da-ni-ik-ki up-pí-ir* ‘подарки (букв. посылки) же мне они готовились послать, и подарки, которые мне послали, их (= такие подарки) никому из моих отцов и моих предков не посыпали’ (IV, 52—55). Этой кульмиационной точки употребления данного приема в автобиографии Хаттусилиса III предшествуют два предложения, в которых существительное в винительном падеже внутреннего объекта непосредственно предшествует глаголу (занимающему по обычным синтаксическим нормам последнее место в предложении): *ma-a-an-kán da-ma-a-in ku-pí-qa-ti-in ku-up-ta* ‘он было иной замысел замыслил’ (IV, 33—34); *nu-qa-an-na-aš^dSTAR URUŠu-mu-ḥa^dU U^RUNe-ri-iq-qa-ja [ḥa-]an-ni-eš-šar ḥa-an-na-an-zi* ‘и нас-де судом рассудят богиня Иштар города Самуха и бог грозы города Нерикка’ (III, 72—73); в виде аккадограммы то же сочетание, по-видимому, использовано в десятилетних анналах Мурсилиса II: *nu-qa-an-na-aš^dUBE.LI-JA DI.NAM ḥa-an-na-a-й* ‘и пусть-де нас судом рассудит мой господин, бог грозы’ (II, 14). К древним индоевропейским единицам хеттского словаря восходят составные части этимологической фигуры *huktais ḥu(e)k-* ‘заклинания заклинать’, встречающейся в том же новохеттском тексте (автобиография Хаттусилиса VII, 53; II, 6), но могущей быть пережитком архаичной ритуальной фразеологии (так как эта формула употребляется в таких ритуальных текстах, как ритуал Туннави I, 57: *nu SAL.ŠU.GI še-ir ap-pa-an-na-aš ḥu-uk-ta-in ḥu-uk-zi* ‘и жрица — «старая женщина» — произносит заклинание поднятия’); ср. *menijan ... temai* ‘слово ... скажет’ (Alakšanduš III, 26).

Этимологические фигуры этого типа (в конструкции с винительным падежом внутреннего объекта) широко используются в тохарском¹², ср. тох. *A nawet nu-* (в кучанском — тохарском В *newe nu-*) ‘рыком рычать’: *śtarātsām wartsyām śiśkim nawet*

кинсу, речь может идти о собственно хеттском сочетании, сходном с древнеирландским *berid breth* (с тем же значением): C. W atkins. A history of Indo-European verb inflection. «Indo-European grammar», vol. III. Morphology, part one (English-language version). Stanford, California, 1967, гл. V, § 11.

¹² W. Krause, W. Thomas. Tocharisches Elementarbuch, I. Heidelberg, 1960, стр. 80, § 73, 3.

nūṣt ‘четырежды в (своих) последователях львиным рыком рычишь’ (244b)¹³, тох. A *wles wles-* ‘дело делать’, ‘работу работать’ (кучан. *lāms lāms-*), например *wles wleše* ‘дело я сделал’ (270b 2), *wles wlesät* ‘дело он делал’ (255a 3, 4), *wunyo wlesant wlesitär* ‘двуямя (частями накопленного богатства) да делает он дела’ (3a 4)¹⁴, *cātpäl te nasam ānand stwarāk pāñ pi puklākam salu (puttiśpa)rśām wles wlessi* ‘В состоянии ли я, Ананда, в 45 лет все буддийское дело сделать’¹⁵ (313a 5—6); кучан. *prāssām prek-* ‘вопросы спрашивать’, «тох. A» *śol so-* ‘жизнь жить’ (*śol śos* ‘он живет жизнь’, 234b 4), кучан. *śaul śau-*, ср. лат. *vitam vivere*, русск. *жизнь прожить* (в том числе в пословице *жизнь прожить — не поле перейти*, использованной в последней строке стихотворения Б. Пастернака «Гамлет»). В нескольких случаях тохарские этимологические фигуры выглядят как кальки санскритских: кучан. *swese su-* ‘дождить дождем’, ср. санскр. *vr̥ṣti vr̥ṣ, varṣam varṣati*; тох. A *ytar i-* ‘идти путем’, кучан. *ytar i-*¹⁶, ср. в буддийском гибридном санскрите *gati(m)* *gacchayātī* ‘иду ... путем’¹⁷. Последний пример представляет особый интерес, так как можно думать, что в обоих тохарских языках живая словообразовательная связь между глаголом *i-* ‘идти’ и архаичным производным на **-tōr(yo)* была разорвана, ср. лат. *iter* ‘путь’, хет. *itar*, встречающееся только в одном тексте, которые удостоверяют древность этого образования, восходящего к эпохе латино-хетто-тохарских диалектных связей¹⁸. Но в приведенной этимологической фигуре (в тохарских языках, возможно, ожившей под влиянием буддийского гибридного санскрита) эта связь сохранилась довольно явно.

Конструкции с винительным внутреннего объекта и другие грамматические конструкции, связывающие родственные слова, засвидетельствованы в большинстве индоевропейских языков,

¹³ Здесь и далее в скобках указываются номера цитируемых «тохарских А» текстов по изд.: E. Sieg, W. S. Siegling. Tocharische Sprachreste. Berlin, 1921.

¹⁴ Для целей настоящего исследования существенно то, что в данном месте эта фигура используется в поэтическом метрическом отрывке, несущем явные следы аллитерации: ... *waṣṭam wärpitär wunyo wlesant wlesitär*.

¹⁵ О синтаксисе этого предложения см.: W. Thomas. Die tocharische Verbaladjektive auf *-l*. Eine syntaktische Untersuchung. Berlin, 1952, стр. 36; Он же. Die Infinitive im Tocharischen. — *Asiatica*. Leipzig, 1954, стр. 741. Та же инфинитивная конструкция *wlem wlessi* встречается в испорченном контексте в тексте 338a 2 (см. там же, стр. 733), ср. также восстановление *tā āsām naṣt tām wle[s wlessi]* ‘ты не достоин [делать дело это]’, 111b 2, см. там же, стр. 743, прим. 209.

¹⁶ См. примеры сочетания *ytar yätsi*. ‘идти путем’: W. Thomas. Die Infinitive im Tocharischen, стр. 735, прим. 181.

¹⁷ См.: F. Edgerton. A Grammar of Buddhist Hybrid Sanscrit. New Haven, 1953. Ср. также в позднем санскрите: *gacchāmi gantavyāñ gatīñ* (Dācakumaracarita 80, 7).

¹⁸ Вяч. Вс. Иванов. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, стр. 130.

но в части случаев они могут быть объяснены позднейшими влияниями, например, греческого языка, как в древнеармянских переводах Евангелия (ср. такие характерные примеры, как арм. *or mkrtēcan i mkrtowt' iwn Yohannow* ‘крестившийся крещением Иоанновым’, при греч. βαπτισθέντες τὸ βάπτισμα Ἰωάννου — Евангелие от Луки VII, 29), в латинской классической прозе (у Цицерона и др.), где распространение винительного внутреннего объекта может быть связано и с общей тенденцией к развитию аккузативного управления¹⁹. Иноязычные влияния или позднейшее использование книжных приемов ученой поэзии давно уже предполагается²⁰ и при объяснении многочисленных этимологических фигур в поэзии на древних германских языках, хотя в некоторых случаях несомненна близость древнегерманских сочетаний к сходным конструкциям в других индоевропейских языках, ср., например, др.-исл. *sofa svefn sinn* ‘спать своим сном’, лит. *sapnq sapnoti* и т. п. (но ср. чисто типологическое сходство с русск. спать — крепким, сладким и т. п. — сном и т. п.). В ряде случаев бывает трудно отличить унаследованные от общеиндоевропейского конструкции от позднейших новообразований, которые, в частности, могут объясняться типологическими особенностями поэтического языка как такового.

Сочетания глагола с однокоренным существительным в некоторых новых языках не только сохранились в качестве пережитка (как в славянских языках), но и стали вновь продуктивными, как в современном английском (где роль таких конструкций усилилась благодаря возникновению так называемой «конверсионной омонимии»), прежде всего в поэтической речи, ср. уже у Шекспира *grace me no grace, nor uncle me no uncle; diamond me no diamonds* у Теннисона²¹. Разумеется, в последнем случае речь идет не о генетическом продолжении индоевропейской поэтической традиции, а лишь о типологическом сходстве с ней.

С точки зрения сравнительной индоевропейской поэтики в рассматриваемом приеме можно видеть одно из проявлений предопределенности звукового (и смыслового) строения строки (или всего стихотворения) звучанием ключевого слова. Этот далеко идущий параллелизм между звучанием ключевого слова и построением всего стихотворения был открыт по отношению к нескольким индоевропейским поэтическим традициям (древнеиндийской, старо-

¹⁹ Ср.: И. М. Тронский. Очерки из истории латинского языка. М.—Л., 1953, стр. 207.

²⁰ Ср., например: E. M. Me u e r. Die altgermanische Poesie nach ihren formelhaften Elementen beschrieben. Berlin, 1889, стр. 234 сл.

²¹ O. Jespersen. Growth and structure of the English language. 9 ed. Oxford, 1956, стр. 155. Параллель к конструкции у Теннисона представляет приведенный там же, стр. 155, отрывок из Троллопа, где в двух смежных предложениях следуют друг за другом существительное *diamond(s)* и глагол *diamond*. Ср. *I feel a feeling* (Samuel Beckett. Watt. Paris, 1958, стр. 54).

латинской, греческой, германской) Ф. де Соссюром в его записях об анаграммах²²; эти мысли были развиты Р. О. Якобсоном на славянском материале²³. С точки зрения общего языкоznания здесь существенно то, что обычное избыточное выражение смысла в поэтическом тексте осуществляется посредством слов, сходных в звуковом отношении, в частности посредством слов одного корня, связанных как члены трансформации. Для этимологического исследования существенно то, что в таких строках можно обнаружить этимологические фигуры, подтверждающие принадлежность двух слов к одному корню. В качестве примера можно привести этимологические фигуры, в которых в наиболее ранних образцах древнеармянской и древнегреческой поэзии сочетаются производные от индоевропейской основы **dwei-* ‘два’.

Моисей Хоренский (Мовсес Хоренаци) сохранил текст раннего армянского стихотворения (песни, посвященной Вахагну), две первые строки которого представляют исключительный интерес как для сравнительно-исторической индоевропейской поэтики, так и для компаративистики:

Erknēr erkin ew erkir,
Erknēr ew cirani cov . . .
(вариант: *Erknēr erkin, erknēr erkir.*
Erknēr ew covn cirani)

‘В муках рождения находились Небо и Земля;
В муках рождения лежало и пурпуровое Море’²⁴.

Сочетание существительных *erkin* ‘небо’ и *erkir* ‘земля’ и глагола *erknēr* в первой строке, безусловно, следует признать архаизмом, восходящим к периоду греческо-армянских диалектных связей. Как давно уже предположил Мейе — и вслед за ним

²² «Les anagrammes de Ferdinand de Saussure». — «Mercure de France», 1964, II.

²³ R. Jakobson. Selected writings, IV. Slavic Epic Studies. The Hague — Paris, 1966, стр. 606—607, 680—686. Ср. о древнеиндийском: В. Н. Топоров. К описанию некоторых структур, характеризующих преимущественно низшие уровни в нескольких поэтических текстах. — «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», вып. 181. Труды по знаковым системам II. Тарту, 1966, стр. 318—319; Т. Я. Елизаренкова. Из ведийской поэтики. — «III Летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тезисы. Доклады». Тарту, 1968, стр. 177—178 (см. там же о рядах однокорневых слов).

²⁴ См. перевод в кн.: М. Абегян. История древнеармянской литературы, т. I. Ереван, 1948, стр. 31, ср. там же, стр. 34, объяснение этих мифологических представлений, отраженных в этих строках: «если во время рождения Вах'агна в муках родов находятся Небо и Земля, этим самым Вах'агн выступает перед нами как божество грозы. Сын неба и земли Вах'агн одновременно является и сыном Пурпурового моря. Это пурпуровое море не земное, не находящееся на земле море, а небесное море. . . Такое же понимание . . . сущности неба имеется до последнего времени и в армянском народе, который в своих молитвах взыывает: „Небо, море пурпуровое“».

Пизани²⁵, арм. *erkin* 'небо' и *erker* 'земля' образованы от основы числительного *erki-* 'два' (из и.-е. *du-) ²⁶: в *erkir* можно видеть древнее образование со значением 'женская (или пассивная) половина', в *erkin* — форму с древним значением 'мужская' (или активная) половина'; ср. формы жен. рода на -*r*- типа др.-инд. *rīva-r-ī* при муж. роде *rīva-n*, греч. πίερα при πίσιον²⁷, доказывающее наличие этого противопоставления в той греческо-арийской диалектной группе, к которой близок армянский. Эта гипотеза хорошо согласуется с противопоставлением неба как мужского начала земле как женскому началу в той же греческо-арийской диалектной группе. Из этой гипотезы следует, что образование этих армянских названий земли и неба следует отнести к тому времени, когда в армянском сохранилось еще различие мужского рода и женского (или еще более архаичное противопоставление активных форм на -*n*- и пассивных на -*r*)²⁸.

²⁵ A. Meillet. — «Mélanges Emile Boisacq», I. Bruxelles, 1937, стр. 1 сл.; V. Pisani. *Uxor. Ricerche di morfologia indeuropea.* — «Miscellanea Giovanni Galbiati», III. Mailand, 1951, стр. 6. См. также изложение этих гипотез в статье: J. Knobloch. Zu armenisch *erkin* 'Himmel', *erkir* 'Erde'. — «Handes Amsorya». Vienne, 1961, № 10—12, стр. 541—542 (теорию самого Кноблоха не представляется возможным принять ввиду того, что армянские факты находят более простое объяснение в свете теории Мейе и Пизани, см. ниже).

²⁶ Относительно этого фонетического развития см. также: G. R. Soltá. Die Stellung des Armenischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. Wien, 1960, стр. 222; Г. А. Карапанциан. История армянского языка (древний период) [На арм. яз.]. Ереван, 1961, стр. 249.

²⁷ Ср. работы В. Пизани и И. Кноблоха, указанные выше. См. о соотношении греч. δάμαρ 'супруга': лат. *dominus* 'господин', лат. *ixor*: др.-инд. *uksan* 'бык': В. Пизани. Общее и индоевропейское языкознание. М., 1956, стр. 155. Ср. также: Э. Бенвенист. Индоевропейское именное словообразование. М., 1955, стр. 141, 143.

²⁸ К последнему (более древнему) различию склонны возводить армянские формы Пизани и Кноблох в указанных выше статьях. Высказанная Кноблохом гипотеза о связи *erkin* и *erkir* с глагольной основой подтверждается приведенными ниже фактами. Следует, однако, заметить, что с -*n* в *erkin* можно было бы сопоставить и *n* в *krkin*, если правильно его возведение к редуцированной форме, образованной от числительного, ср.: L. Magie. *Arménien krkin 'double'.* — REIE I, 2—4, 1938, стр. 445—446. Ср., однако, возведение *kr- < *kir-k- < *dvis-* в докладе В. Винтера в ИЯАН в октябре 1963 г.; Семерены вслед за Пизани возводят *krkin* к **kru-kin*, где *kru- < ku- < dwō-* (O. Szemerédy. Studies in the Indo-European system of numerals. Heidelberg, 1960, стр. 96), но вся эта реконструкция с фонетической стороны не кажется убедительной. Тогда это -*n*- можно сравнить с рядом других аналогичных форм на -*n*-, образованных от числительного 'два' в индоевропейских языках: лат. *bini* 'двое', др.-англ. *getwinne* 'близнецы', др.-исл. *tvennr* 'двою', др.-в.-нем. *zwirnēn* 'скручивать вдвойне' (В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, стр. 163); ср. также ст.-сл. *дъвеннъ*, русск. *двойной*. Со всеми этими производными на -*n*- от числительного **dwei-* целесообразно сравнить и хет. *dujana-*, см. о нем: E. Benveniste. Hittite et indo-européen. Paris, 1962, стр. 82—83 (ср. также возражения в рец.: O. Szemerédy. — «Bulletin of the School of Oriental and African Studies», vol. 27, 1. 1964, стр. 6—7; C. Watkinson. — «Inter-

О достаточной древности образования этих слов говорит и само гетероклитическое чередование, встречающееся в армянских существительных (кроме типа на *-i-*) лишь в таких отдельных изолированных формах, как *damban* и *dambar-an* ‘могила’²⁹ и т. п.

Связь названий земли и неба со значением ‘два’ может быть подкреплена данными ведийского языка, где в значении ‘земля’ и ‘небо’ часто выступает форма двойственного числа *dyávā-pṛthivī*, воспринимающаяся как единое целое, ср. диалектное ааратское *jerkink-getink* ‘небо-земля’³⁰. Существенным представляется также и то, что средневековые армянские авторы связывали *erkin* и *erkir* с числительным *erku* ‘два’³¹.

Представляется возможным высказать гипотезу, по которой древнеармянский глагол *erknēl* ‘мучиться при родах’ (от которого образована форма *erknēr* в цитированном стихотворении) связан с тем же корнем. В словарях древнеармянского языка часто с большим вероятием предполагается, что глагол *erknēl* и существительное *erkn* ‘мучение при родах; страдание’ в конечном счете связаны с группой древнеармянских глаголов и существительных, где основа *erk-n-* имеет значение ‘бояться; ожидать в глубокой печали, глубоком волнении’ (*erknēt* ‘боюсь’ и т. п., ср., например, характерную конструкцию с винительным внутреннего объекта, в древнеармянском переводе Евангелия передающую сходную греческую конструкцию: др.-арм. *erkean erkiwl tec* ‘убоялись страхом великим’, греч. ἐφοβήθησαν φόβον μέγαν³², Марк IV, 41).

national Journal of Slavic Linguistics and Poetics» IV, 1961, стр. 7 сл.); ср. также *-n* в хет. *dan* в *dan peda-* ‘второго разряда’, *danhašti* ‘двойная кость’ (Вяч. Вс. Иванов. Общеиндoeвропейская, праславянская и анатолийская языковые системы, стр. 279—280, 287).

²⁹ Э. Бенвенист. Указ. соч., стр. 36, см. там же об арм. *kołr*, *ap'n*, *tur*; о типе на *-n-* в существительных и особенно прилагательных см.: там же, стр. 61; Г. Б. Джаукиан. Система склонения в древнеармянском языке и ее происхождение (на армянском языке). Ереван, 1959, стр. 261.

³⁰ Ааратское выражение было сопоставлено с приведенным началом древнеармянского стихотворения в книгах: Г. А. Карапанян. Историко-лингвистические работы. Ереван, 1956, стр. 216, прим. 1; Он же. История армянского языка, стр. 135; предлагаемая в этих книгах этимология арм. *erkin* (из урартского) не выдерживает критики, ср., однако, попытку ее исправления: В. Ванятеану. Problema lexicului urartic din limba armeana. — «Studi și cercetări lingvistice», anul XIII, 1962, № 2, стр. 275—276.

³¹ См.: Гр. Ачарян. Корневой словарь армянского языка (на арм. яз.). Ереван, 1928—1930, s. v. *erkin*, *erkir*. — Указанием на это обстоятельство и рядом других ценных советов, касающихся анализа данного древнеармянского текста, автор обязан своему покойному учителю древнеармянского языка И. К. Кусикьяну.

³² Мейе видел в армянском тексте кальку с греческого: А. Meillet. Altarmenisches Elementarbuch. Heidelberg, 1913, стр. 77, § 91.

Связь глагола *erknēl* и существительного *erkn* с глаголом *erknēt* должна быть принята во внимание и при обсуждении предложенного Х. Фриском и принятого О. Семерены сравнеия *erkn* с греч. ὀδόνη ‘страдание’: Н. Frisk. Etyma armeniaca. — «Göteborgs högskolas årsskrift», Bd 50. Göteborg, 1944, стр. 11 и сл.; Н. Frisk. Griechisches etymologisches Wör-

В. Пизани давно уже высказывал предположение, по которому арм. *erkn̄çim* «представляется производным от *erku*, как нем. *zweifeln* от *zwei*, и так же, как *дөйд* (**дөй-δFоj-а*), содержит основу **dui-*, отраженную в *діс*, и т. п. (ср. *дөүή* ‘сомнение’: *дөүс* ‘двойной’, лат. *dubius: dūo . . .*)»³³. Независимо от Пизани к сходному заключению пришел Бенвенист, обнаруживший, что окончательное подтверждение гипотезы о родстве индоевропейской глагольной основы **duei-* ‘бояться’ и основы числительного **duei-* ‘два’ можно найти в «Илиаде» IX, 229³⁴: *λέγη μέγα πῆμα . . . εἰσορόωτες δεῖδιμεν, ἐν δοιήι δὲ σασέμεν ἢ ἀπολέσθαι νῆας.*

В русском переводе Минского:

Горе большое . . . мы в страхе предвидим.

Ибо сомнительным стало, удастся ль суда отстоять нам³⁵.

Как подчеркивает Бенвенист, гомеровский текст позволяет окончательно установить связь между *дөйдимеу* (‘мы боимся’) и *дөүή* ‘в сомнении’ (букв. ‘в двойственности’). Но с точки зрения современных сравнительно-исторических исследований индоевропейского стиха гомеровский текст интересен еще и в другом отношении: звуковые связи с нем параллельны смысловым. Та «смежность этимологически родственных слов»³⁶, которую Р. О. Якобсон в славянском фольклоре и древнерусской литературе сопоставляет с древним индоевропейским способом составления стихов как анаграмм, открытym Соссюром, оказывается главным принципом построения как этих гомеровских строк, так и первой строки цитированного армянского стихотворения.

К этим поэтическим текстам оказываются применимыми слова Якобсона о тех древнерусских поэтических фрагментах, где «звукобразная фактура . . . отнюдь не сводится к аллитерации. Соответствие начальных фонем здесь лишь частный случай парономии».

terbuch, Bd 2, Lief. 14. Heidelberg, 1963, стр. 351 (где нельзя считать семантически оправданным возведение к корню **ed-* ‘есть’; сравнение с суффиксом в греч. *εῖδαρ* ‘еда, корм’ отпадает ввиду тождества последнего слова с хет. *edri* ‘еда, корм для скота’, см.: Вяч. Вс. Иванов. Общеиндоевропейская . . . , стр. 47); O. S z e m e r é p u i. Bericht über das etymologische Symposium in Moskau. — *Die Welt der Slaven*, Jg. XII, 1967, № 2, стр. 223 (в связи с критикой гипотезы, излагаемой в настоящей статье).

³³ V. P i s a n i. Mytho-etymologica. — REIE I, 2-4, 1938, стр. 222, прим. 1. В качестве параллели к нем. *zwei : zweifeln*ср. словен. *dvojiti* ‘двоить; ‘сомневаться’, *dvojstvom* ‘двусмысленность, сомнение’.

³⁴ E. B e n v e n i s t e. Problèmes sémantiques de la reconstruction (перепечатано в сб.: E. B e n v e n i s t e. Problèmes de linguistique générale. Paris, 1966, стр. 294—295). — При написании этой статьи, напечатанной впервые в 1954 г., Бенвенист не был знаком с работой Пизани, указанной в прим. 33.

³⁵ «Илиада», пер. П. М. Минского. М., 1935, стр. 130.

³⁶ R. J a k o b s o n. Slavic Epic Studies, стр. 607 (ср. стр. 680 и 685). Ср. выше, прим. 2, 22—23.

мазии. . . »³⁷. Соответствие гомеровского текста и древнеармянского стихотворения, где сходным образом соединяются именные и глагольные производные от индоевропейской основы **dyei-* ‘два’ : ‘быть в раздвоении=сомневаться, бояться, мучиться (в том числе родовыми муками)’³⁸, позволяет предположить, что самый этот прием был унаследован, во всяком случае, от периода греческо-армянской общности³⁹, если не от общеиндоевропейского периода (к которому могут восходить и сходные приемы в поэзии на других индоевропейских языках, в том числе славянских).

Поскольку в первой строке этого древнеармянского стихотворения соединены три (или — в варианте — четыре) слова, начинающиеся сочетанием фонем *erk-*, которое повторяется и в начале следующей строки, с синхронной (не индоевропейской, а древнеармянской) точки зрения это можно было бы интерпретировать как аллитерационный стих⁴⁰; эта гипотеза могла бы быть

³⁷ Там же, стр. 606. Согласно Соссюру, к анаграммам восходит и германский аллитерационный стих (что согласуется с гипотезой У. Лемана о его индоевропейском происхождении: W. P. Lehmann. Development of Germanic Verse form. Austin, 1956).

³⁸ Ср. русск. *двойчатеть* ‘беременеть’ (Даль² I, стр. 418). Применительно к армянскому стихотворению о рождении чудесного существа нельзя считать исключенным и специфическое мифологическое (и потому архаичное) значение ‘рождаться’ (= раздваиваться) с помощью двух, — по отношению к земле и небу’, ср. в «Ригведе» идею порождения земного и небесного огня с помощью двух камней (*āśtanoḥ*, этимологически связано с авест. *astan* ‘небо’) и т. п. Ср. мотив раздваивания земли в связи с появлением чудесного существа или героя в эпосе, в том числе восточнославянском. Возможно, что для интерпретации связи значения ‘два’, ‘рождаться’, ‘земля’ и ‘небо’ в древнеармянском существенны следы близничного космогонического мифа в армянских преданиях, выявленные А. М. Золотаревым. Исследуя архаичную часть «Сасасар и Багдасар» эпоса «Давид Салунский», Золотарев отмечал: «подлинное древнее начало следует искать в строфе, повествующей о том, что Цовинар подходит к воде. . . Чудесным зачатием близнецов начинаются многие близнично-космогонические мифы» (А. М. Золотарев. Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний, гл. XIV. Дуалистические мотивы в кавказских легендах; цит. по рукописи, хранящейся в архиве Института этнографии АН СССР; см. также: А. М. Золотарев. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964). Самое имя Цовинар и рассказ о том, как она зачала от двух горстей воды, напоминает о разыгрываемом древнеармянском тексте, где собственно армянские мотивы могли сочетаться с переосмысленным иранским именем Вахагна (иранского **Ur̩dragna*). В той же работе Золотарев отмечает, что «космогонические мифы, поскольку они вообще сохранились на Кавказе», построены «на дуалистически-близничных сюжетах». Не исключено, что одним из таких сюжетов мог быть миф, где Небо и Земля выступают как пары близнеццов (см. многочисленные типологические параллели в той же работе Золотарева).

³⁹ Более спорным остается происхождение метрической формы армянского стихотворения, где нельзя считать исключенными иранские влияния.

⁴⁰ См. в этой связи замечания об этих строках в статьях автора: «Лингвистические вопросы стихотворного перевода». — «Машинный перевод. Труды Института точной механики и вычислительной техники АН СССР», вып. 2.

подтверждена и явной аллитерацией в начале последних слов второй строки: *cirani cov*. С точки зрения сравнительно-исторических индоевропейских сопоставлений последнее сочетание не может быть использовано для глубокой реконструкции, так как оба образующие его слова являются заимствованиями. Армянское *cov* 'море, большое озеро (Севан или Ванское), большой водный бассейн', безусловно, заимствовано из урартского *šue* 'озеро'⁴¹. Согласно любезному разъяснению И. М. Дьяконова, «урарское *šue*, вероятно, означает 'вода' и потом уже 'озеро'; не только 'большое' — например, маленькое озеро Гельджик у истоков Тигра тоже означалось этим термином. Семантика — как норв. *vatn* 'вода; озеро'. Ср. *sjø* 'озеро, море' (в ср. р. 'волна'). Урартское слово реконструируется как [**covə*] < [**covi-*]₁» (из письма И. М. Дьяконова автору от 15 ноября 1966 г.). Указанное И. М. Дьяконовым значение урарт. *šue* 'озеро (любое)' можно проиллюстрировать следующими урартскими текстами. В надписи на стеле, найденной около искусственного озера Кешишгёль⁴², *šue* относится к этому озеру: [*t*]*e-ru-bi ti-ni* *tru-[s]a-a-i šu-*²*e* 'установил для него имя — Озеро Руся' (строка 4); *i-ú i-ni šu-e ta-nu-[bi]* 'когда это озеро я соорудил (?)' (строка 10); *e'-a i-nu-s[i] [s]u-i-ni-i e-si* 'а также такое озерное место' (строки 14—15); *i-na-ni su-*²*e* [*r*]*u-sa-hi-na-ú-e* *hu-ri-iš-[hi]* 'это озеро да будет оросителем (?) (города) Русахинили' (строка 21—22); *šu-i-ni ši-e-di-ú-[e]* 'из озера вытекающей' (строка 26). К разным озерам относятся такие случаи употребления слова *šue* и его производных, как *za-du-ú-bi* [*s*]*u-e a-su-a-hi-i-na* 'создал я озеро *asuaħina*' (надпись на стеле Аргишти II⁴³, лицевая сторона, строка 45, ср. там же,

М., 1961, стр. 379—380; «Об исследовании древнеармянской фонологической системы в ее отношении к индоевропейской». — ВЯ 1962, № 1, стр. 41, прим. 24. Изложенное выше служит диахроническим корректировом к указанным статьям, см. также статью автора «Заметки по сравнительно-исторической индоевропейской поэтике». 2. Индоевропейская поэтическая формула в древнейшем армянском стихотворении. — «To honor Roman Jakobson». The Hague. — Paris, 1967, стр. 981—984 (содержание этой части указанной статьи частично пересекается со второй половиной настоящей работы).

⁴¹ Г. А. Карапцян. Историко-лингвистические работы, стр. 216; Г. А. Карапцян. История армянского языка (древний период), стр. 73 и 137; Г. Б. Джакян. Урартский и индоевропейский языки. Ереван, 1963, стр. 134 (упоминаемое там же, прим. 248, **g'obho* — не представляется удачной индоевропейской этимологией для *cov*); V. Ванятеап. Указ. соч., стр. 267 (где указано, что урартское слово отвечает армянскому и по семантике, и по звучанию, так как *s* = [*tš*]) и 265 (урарт. *u* = арм. *v*); И. М. Дьяконов. Сравнительно-грамматический обзор хурритского и урартского языков. — «Переднеазиатский сборник». М., 1961, стр. 376, прим. 23; Г. Б. Джакян. Взаимоотношение индоевропейских, хуррито-урартских и кавказских языков. Ереван, 1967, стр. 186, прим. 79.

⁴² Цит. по изд.: Г. А. Меликышвили. Урартские клинообразные надписи. М., 1960, стр. 331 (№ 268). О значении и употреблении этого слова и его производных см. там же, стр. 405—406, а также: И. М. Дьяконов. Урартские письма и документы. М.—Л., 1963, стр. 90.

⁴³ Цит. по изд.: Г. А. Меликышвили. Указ. соч., стр. 337.

оборотная сторона, строка 13, где в поврежденном контексте встречается сочетание двух стандартных выражений, связанных с *šue*, которые уже приводились выше из другой надписи), [U]^{RU}*qi-hu-ni* KUR *si-lu-ni-ni šu-i(?)-ni-a bi-di-e* 'страну Кихуни, расположенную на берегу озера' (стела, являющаяся дубликатом Хорхорской летописи⁴⁴, А 2 11), ср. прилагательное *šuinini-sini* 'озерный' в контексте *URUha-al-pa-ni* URU LUGÁL-*nu-si šu-i-ni-i-ši-ni ma-ni ha-u-b[i]* 'Город Халпа, царский город в озерной местности я завоевал' (Летопись царя Сардури II⁴⁵, Е, строки 50—51). Общее значение слова отражено в производном *šuininaue* 'бог озер' в ритуальной надписи, согласно которой этому богу приносится в жертву бык и две овцы⁴⁶ (строки 19 и 64). Наконец, контекст, где значение урарт. *šue* пересекается со значением арм. *cov* в его специальном употреблении по отношению к Севану, засвидетельствован в двух надписях у Севана — в надписи у села Цовинар⁴⁷, где употребляются симметричные конструкции *i-na-ni ap-ti-ni šu-i-ni-a-ni* 'с этой стороны озера' (строка 5) и *i-sá-ni ap-ti-ni šu-i-ni-a-ni* 'с той стороны озера' (строка 12), и в надписи у Лчашена⁴⁸, где употреблен, скорее всего, некий вариант второй конструкции (*ša-na ap-ti-ni šu-í-ni-e* с неясной формой *šana*).

Представляется вероятным (и хорошо согласующимся с приведенным выше суждением И. М. Дьяконова о семантике урарт. *šue*), что с этим урартским словом связано не только арм. *cov*, но и груз. *tba-* 'озеро', закономерно соотносящееся с мегрельским *toba-*, *tobo-* 'глубокий (о водах)', чан. *toba-*, *tiba-* 'озеро, пруд', сван. *tub(a)-* 'овраг, озеро'⁴⁹ (с фонетической стороны, однако, может

⁴⁴ Там же, стр. 236.

⁴⁵ Там же, стр. 284.

⁴⁶ Там же, стр. 144, 146.

⁴⁷ Там же, стр. 328—329.

⁴⁸ Там же, стр. 261. — И. М. Дьяконов в письме к автору от 22 февраля 1967 г. предполагает в данном месте чтение без словоделения: [*i-]šá-na-ap-ti-né šu-í-ni-e*.

Согласующееся с двумя последними урартскими контекстами использование арм. *cov* 'море' в значении 'большое внутреннее озеро' (например, Севан) сходно с аналогичным употреблением хет. *aruna-* 'море'. Попутно можно заметить, что аналогия между арм. *cov* в сочетании *cirani cov* и хет. и палайск. *aruna-* может быть расширена, так как *aruna-* в анатолийских языках употребляется в архаичных текстах, где *aruna-* 'море' связано с восходом (в хеттском и палайском гимнах богу солнца, ср. также хеттский миф о дочери Океана и боже Телепинусе, где Бог солнца упоминается в том же контексте, что и *aruna-*). Последние контексты можно было бы использовать для гипотетического сравнения *aruna-* с др.-инд. *arunaḥ* 'reddish' (другой возможной индийской параллелью является имя Варуны, связанного с солнцем и с морем, см.: В. В. Иванов. О языковой принадлежности арийских элементов в ближневосточных текстах 2-го тысячелетия до н. э. — «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона». М., 1968, стр. 389—390).

⁴⁹ Об этой группе слов в картвельском см.: Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, стр. 179; согласно В. М. Илич-Свитычу, картв. **ṭ(u)bā* 'глубокий, озеро' родственно и.-е.

представить затруднения соответствие урарт. *s* < *c* или *ts* и картв. **t*). Армянское *cov* естественно связать с огласовкой корня типа **toba-*; по реконструкции И. М. Дьяконова урарт. **covə* < **covɪ* можно связать с той же огласовкой (тогда вероятно заимствование из урартского в армянский), хотя нельзя считать совсем исключенным отражение в *sue* огласовки типа груз. *tba* (в послед-

**dheub-/dheup-*, дравидийск. **tuvl* 'окунать', уральск. **tiwl* 'озеро', алтайск. *t'uba* 'умут', см.: В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков (семито-хамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). I. Введение, сравнительный словарь (в печати); Т. В. Гамкрелидзе и Г. И. Мачавария. Система сонантов и аблгаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры. Тбилиси, 1965 (на груз. яз.), стр. 114—116, 119, 148, 315. В письме к автору от 25 февраля 1967 г. Т. В. Гамкрелидзе пишет по поводу предлагаемого сближения: «Написание *su-e* указывает скорее на чтение *su/su-*. Это близко к картвельской огласовке **tb-* 'озеро'... Тем не менее, сближение и увязка этих форм мне представляются сомнительной. Дело в том, что мне неизвестны другие случаи соотношения урартской фонемы, передаваемой знаками для *s*, с картв. **t*. Урартскую фонему, передаваемую знаками для *s*, можно скорее сопоставить с картв. **c* или **c'* (ср. урарт. *ar-si-bi-ni* 'имя коня Менуи (?)' и груз. *arciv* 'орел', арм. *id*). Фонема **t* в картвельском глottализованная переднеязычная смычна (судя по историческим картвельским языкам), противопоставляемая в одном локальном ряду фонемам **d* и **t*; фонемы **c* и **c'* — соответственно глottализованная и неглottализованная глухие свистящие (диффузные) аффрикаты, по-видимому, близкие к урартской фонеме, передаваемой знаками для эмфатического ассир. /*s/*. Для передачи урартской фонемы, близкой к картв. **t*, были применены скорее знаки для ассир. /*t/* или эмфатического /*t'/*. Что касается огласовки картв. формы **tb-*, то огласовка *o* в полной ступени не исключена. В картвельском засвидетельствована только форма с нулевой огласовкой, ввиду наличия полногласного суффикса *-a*: **tb-a*. Для более ранней ступени общекартвельского не исключена одна из возможных форм в полной ступени — **teb-* || **tab-* || **tob-* → **tb-a*. Сходные сомнения относительно соответствия между урартским и картвельскими словами высказал И. М. Дьяконов в письме к автору от 22 февраля 1967 г.: по его словам, ответить на вопрос о соотношении урарт. *sue* «с картв. **tob-* пока нельзя, по той причине, что соответствия между хуррито-урартским и картвельским (если они есть) совершенно неясны... Если же думать об ареальном слове или о лексическом заимствовании, то трудно представить себе соотношение, в котором урартская аффриката *s* отражалась бы как картв. *t*. Действительно, предлагаемое сопоставление едва ли может относиться к тому же периоду, что соответствие между упомянутым Т. В. Гамкрелидзе *Aršibini*, напоминающим гибридные коневодческие термины, где за арийской основой (ср. вед. *r̥i-ryu-*) следовал хурритский суффикс *-ni*, и армянским *arciv* 'орел' (ср. гипотезу В. Порцига о происхождении этого слова из арийских языков: В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области. М., 1964, стр. 239—240, но см. об урартск. *Aršibini*, имени бога *Aršibedini* и армянском соответствии: Г. Б. Джакукин. Взаимоотношение индоевропейских, хурритских и кавказских языков, стр. 53); груз. *arciv*. Что же касается урартско-картвельских соответствий более раннего времени, здесь отсутствует пока что необходимый материал для проверки. Сама по себе возможность соответствия смычного типа *t* и спираента или аффрикаты типа *ts*, *s* доказывается, например, отражениями индоевропейских палатальных в иранских, кафирских и индоарийских языках. Пользуюсь случаем принести благодарность Т. В. Гамкрелидзе и И. М. Дьяконову за сообщенные ими соображения.

нем случае армянское слово пришлось бы считать древним картвельским, а не урартским заимствованием).

С другими языками Кавказа связано и второе армянское слово,участвующее в аллитерации с *cov* в цитированной строке. Армянское *cirani* 'пурпуровый; абрикосовый, абрикосный' образовано (во всяком случае, с синхронной точки зрения) от *ciran* 'абрикос', которое совпадает с груз. *čerami*, абхаз. *ačarám* 'абрикос'⁵⁰. По гипотезе Бэйли, на Кавказе этот термин распространялся из армянского, где он может быть иранским заимствованием, поскольку с ним можно связать памирские названия абрикоса или персики (*cerī*, *cirē*, *cirai*, *cira*, *cirə*, *cirō*, *cer*)⁵¹. Во всяком случае, *cirani* (которое в согласии с хронологией упоминаний в армянских текстах Бейли считает более древним, чем *ciran*), вероятно, следует считать миграционным термином.

Таким образом, хотя прием аллитерации в древнеармянском стихе (как и в древнегерманском стихе, по гипотезам Соссюра и Лемана, отметившего элементы аллитерации уже и в древнеиндийском) можно объяснить из норм индоевропейской поэтики, по которым соединялись этимологически сходные слова или строились анаграммы, тем не менее сами аллитерирующие слова в таком сочетании, как *cirani cov*, не следует возводить к индоевропейскому. Прием аллитерации, отделившись от вызвавших его древних способов построения текста, приобрел самостоятельную значимость.

Процесс превращения аллитерации в самостоятельный прием в раннем армянском (как и в древнегерманском) можно связать с собственно фонетическими факторами — стабилизацией ударения. При ударении на предпоследнем слоге вprotoармянском начальные слоги двухсложных или односложных слов — как *erkin*, *erkir*, *erknēr*, *cov* (но не *cirani*, где, может быть, можно ждать следов подвижности ударения)⁵² — оказывались фонологически выделенными, в силу чего согласно известной закономерности, в свое время выявленной еще Е. Д. Поливановым⁵³, начала слов связывались аллитерацией.

⁵⁰ См.: Гр. Ачарян. Указ. соч., с. v. *ciran*.

⁵¹ H. W. Bailey. *Ambages Indoiranicae*. — «Annali dell' istituto Universitario Orientale di Milano». Sezione linguistica, I, 2, 1959, стр. 124—125, 140; ср.: V. Вантеапи. Указ. соч., стр. 277 (где, однако, предлагается обратный путь заимствования и маловероятное сближение с гипотетическим хурритским и шумерским термином для радуги, восстановливаемым на основании хурритского имени божества *d Tiranna*, ср. груз. *čirano* 'сияние вокруг лунного диска'). Относительно древности культуры абрикоса в Армении и Закавказье ср. в связи с данным термином: H. Vogt. *Arménien et caucasiqne du sud*. — «Norsk Tidsskrift for Språkvidenskap»; IX, 1938, стр. 333.

⁵² Относительно ударения в protoармянском ср.: Г. Б. Джакян. Система склонения в древнеармянском языке и ее происхождение. Ереван, 1959, стр. 390 сл.

⁵³ Ср.: Е. Д. Поливанов. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники. — ВЯ 1963, № 1, стр. 102, прим. 5: «аллитерация

На этом этапе (предшествовавшем древнеармянскому) прием аллитерации, отделившись от вызвавших его древних способов построения текста, приобрел самостоятельную значимость; поэтому для этимологических исследований он не оказывается полезным в отличие от рассмотренных выше случаев использования этимологических фигур в поэзии.

Корректурное дополнение

Этимологические фигуры в индо-иранских, греческом и италийских языках изучаются в качестве свидетельства индоевропейской древности этого приема в исследовании: R. Schmitt. *Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit*. Wiesbaden, 1967, 264, § 545—548, см. там же об индо-иранских параллелях к греч. ἔπος εἰπεῖν и об архаичных по семантике выражениях типа др.-инд. *यायन् याय-* 'совершать жертвенный обряд', *कर्ष(i)- कर्ष-* 'борозды бороздить (плугом)', *रायिम् राः-* 'одарить богатством' (там же дальнейшая литература вопроса).

фигурирует в качестве канонизированного приема в тех языках, где ударение бывает или может быть на первом слоге слова»; Е. Д. Поливанов. О приеме аллитерации в киргизской поэзии в связи с поэтической техникой и языковыми фактами других «алтайских» народностей (часть работы «Лингвистические мелочи», рукопись которой хранится в архиве АН Киргизской ССР во Фрунзе). Другие работы Е. Д. Поливанова на эту тему указаны в статье автора «Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова». — ВЯ, 1957, № 3, стр. 64—65. Для подтверждения этого тезиса значительный интерес представляет латышский язык, см. об аллитерации в латышской народной поэзии: L. Вēгziņš. *Ievads latviešu tautas dzējā, daja I*, стр. 218—224; ср. о германской аллитерации в той же связи: R. Jakobson. On the so-called vowel alternation in Germanic verse. — «Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung», Bd 16, 1963, Н. 1—3, стр. 91. Обсуждаемое там же, стр. 87, функционирование в германском стихе начальных *sk*-, *st*-, *sp*- в качестве единых фонем могло бы рассматриваться как архаизм в свете ностратических параллелей, так как индоевропейские сочетания фонем *sk*-, *st*-, *sp*- согласно В. М. Иллич-Свитычу, восходят к ностратическим единным фонемам *sk*- < *c-č (например, *skel- 'расщеплять' < *calu-), *st*- < *č-₁, *č-₂, *ž- (например, *ster- 'беда, забота' < *čirl-), *sp*- < *p (В. М. Иллич-Свитыч. Указ. соч.). По В. М. Иллич-Свитычу, архаичными являются и другие особенности германского (и анатолийского) консонантизма, ранее описывавшиеся как передвижение согласных. Таким образом, в свете ностратических исследований подтверждается тезис о консервативном характере германской системы фонем, давно высказывающейся Леманом.